

В полумраке комнаты внезапно вспыхнул свет.

— Ты уже сделал это трижды... Довольно... Уходи скорее...

Односпальная кровать была почти полностью занята мощным телом Пэй Чэна. Фан Боцяо, совершенно обессиленный, лежал у него на груди, тяжело дыша и из последних сил пытаясь не поддаться накатывающей волне сна.

— Трижды? Не ошибаешься? Всего два раза! Это даже за легкую закуску не сойдет.

Пэй Чэн, неизвестно когда успевший закурить, лениво затаился. Глядя на это, Фан Боцяо невольно нахмурился, но был слишком слаб, чтобы хоть что-то возразить.

— И всё-таки три раза... Ублюдок...

Видя, что Пэй Чэн чувствует себя как ни в чем не бывало, и что даже недавний баскетбольный матч никак не отразился на его самочувствии, Фан Боцяо невольно задался вопросом: из чего вообще сделан этот человек? Его выносливость казалась бездонной, будто она никогда не иссякнет.

— В любом случае, твои родители сегодня не вернутся, так что давай продолжим до рассвета, как тебе идея? Мой гнев еще не утих, так что тебе придется отвечать за всё.

— ...Не говори глупостей... — он невольно вздрогнул. — Я не припоминаю, чтобы чем-то тебя разозлил.

— Хм... — Пэй Чэн выпустил струю дыма и холодно произнес: — Одной этой шумной толпы журналистов хватило, чтобы я взбесился, а ты еще посмел меня кинуть? Думаешь, я прощу тебя и пойду искать утешения у тех твоих так называемых подружек? Мечтай!

— Я вовсе не это имел в виду... — Фан Боцяо, прикрываясь тонким одеялом, с трудом приподнялся и посмотрел на него сверху вниз: — Сегодняшние противники были не из слабых, я знаю, что ты немало выложился ради команды, и вечер действительно стоило провести с тобой... Но я правда устал —

— Не надо мне тут про баскетбол, тошнит уже от этого, — Пэй Чэн поднял руку, откинул со лба парня прилипшие пряди волос и слегка коснулся заживающего шрама. — И этот бросательный спорт действительно так тебя привлекает? Те подонки из команды Хайгэ посмели придраться к тебе из-за какой-то ерунды, а ты, идиот, даже не пикнул и хотел продолжить матч после того, как тебя исподтишка ударили?

— Не надо так, — Фан Боцяо отвел его руку и отвернулся. — Это всего лишь пустяковая царапина, по сравнению с тем, что ты сделал с ними, это вообще ничего не значит.

— Они мусор, — Пэй Чэн нахмурился, его рука застыла в воздухе. — Что ты делаешь? Повернись. Ты уже снял швы?

— Завтра, — Фан Боцяо медленно повернул голову обратно. — Не трогай, врач сказал нельзяшний раз касаться, — тихо добавил он.

— Вот как? — Пэй Чэн опустил руку. — Шрам не останется?

Увидев, что Фан Боцяо качает головой, он хмыкнул:

— Ну ладно, тогда я временно пощажу этот мусор... Эй, пепельница есть? — он вынул сигарету изо рта.

— Откуда ей здесь взяться? — Фан Боцяо недовольно уставился на него и, указав на корзину для мусора у стола, бросил: — Брось туда.

— Не на ковер же кидать, — он встал и направился к столу.

— Пепел, который ты уже насыпал, и так всё испачкал.

— Куплю получше, компенсирую, — небрежно ответил он, двумя пальцами затушил сигарету, бросил ее в корзину и мельком глянул на безупречно прибранный стол.

Вдруг кое-что привлекло его внимание.

— ...Это еще что?

Он взял со стойки большую пачку писем, нахмурившись при виде чисто девичьего оформления и изящного почерка на конвертах.

— Женщина писала? — в его глазах блеснула искра, и он тут же потянулся их вскрыть.

— Пэй!

Фан Боцяо не мог поверить в такую наглость, но, будучи не в силах встать, лишь выкрикнул с кровати:

— Что ты делаешь? Не смей вскрывать чужие письма без спроса! — он не заметил, как лицо Пэй Чэна внезапно стало пепельно-серым, и, видя, что тот его полностью игнорирует, добавил: — Ты слышишь меня... а!

Он потрясенно округлил глаза, наблюдая, как вся стопка писем в одно мгновение была

разорвана пополам и полетела в мусорное ведро.

— Пэй Чэн! Ты с ума сошел? Это мои личные вещи, как ты мог...

— Заткнись! — рявкнул Пэй Чэн, медленно разворачиваясь и направляясь к кровати, одарив его опасным взглядом. — Почему ты вообще их принял? Ты что-то им пообещал?

— Что? — он был совершенно сбит с толку. Что пообещал? Он даже конверты не открывал, откуда ему знать, чего они хотели? — Ты с чего вообще взбесился? Принять письма — элементарная вежливость, ты не понимаешь этого? К тому же, какое тебе до этого дело? С какой стати ты...

Не успел он закончить фразу, как его подбородок грубо рванули вверх.

— Предупреждаю: ты моя собственность. Если посмеешь крутить шашни с другими бабами за моей спиной, попробуй только!

Слова Пэй Чэна повергли Фан Боцяо в шок, его лицо мгновенно стало белым.

— Ты... ты что несешь? Я их даже не знаю! Тем более...

Он, не отступая, встретил взгляд Пэй Чэна, в котором назревала буря, и четко, по слогам, произнес:

— И я не твоя собственность! Потрудись это уяснить!

Пэй Чэн свирепо посмотрел на него, внезапно сорвал с него одеяло и провел рукой по следам укусов и синякам, покрывавшим его кожу.

— А это что тогда? Всё это — метки, которые я оставил на тебе... они доказывают, что ты принадлежишь мне, Пэй Чэну!

Его рука своевольно скользнула вниз, поглаживая, и добралась до самого сокровенного места между ног. Охватив то, что после недавней схватки уже пребывало в покое, он внезапно сжал пальцы и принялся привычно тереть.

— Ун...

Фан Боцяо весь задрожал, отчаянно пытаясь подавить вновь вспыхнувшее желание, и, стиснув зубы, прошипел:

— Ты забыл о нашем соглашении?.. Если бы не этот баскетбольный турнир... я бы не

позволил... тебе даже пальцем себя коснуться! Ни за что!

— Замолчи! — Пэй Чэн в ярости приник к его губам, прерывая чертову болтовню, а движения его руки стали еще грубее.

— Наговорился? — он отпустил распухшие губы и холодно посмотрел на то, как Фан Боцяо невольно стонет и вздрагивает в его ладони. — Кажется, ты решил, что я буду иметь тебя до самого рассвета...

Когда тот человек ушел... он не помнил.

Солнечный свет пробивался сквозь окно, постепенно добираясь до изголовья кровати и слегка покалывая закрытые глаза. Он немного пошевелился, внезапно открыл глаза и сел.

Одеяло соскользнуло с плеч, обнажая тело. Он немного посидел, глядя в пустоту, пока наконец не пришел в себя. Повернул голову к настенным часам — девять тридцать пять.

Он никогда не спал так долго. Даже если не было утренних тренировок, он обычно вставал до пяти, выходил на пробежку вокруг района, и этой привычке следовал уже много лет. И всё же... его выносливости всё еще было далеко до этого одаренного природой человека.

Сложив одеяло, он сквозь боль встал с кровати и начал подбирать разбросанную одежду. Неожиданно обнаружил распечатанную пачку сигарет, беззвучно вздохнул — если остальные домашние найдут ее, будет беда — и, поколебавшись, все-таки спрятал сигареты в ящик стола.

Затем, пошатываясь, он направился в ванную, чтобы смыть следы бурной ночи.

В десять часов, стараясь выглядеть как можно естественнее, он спустился вниз. Войдя в столовую, он с некоторым удивлением обнаружил там родителей.

— Редкий случай! Боцяо, ты правда проспал до такого времени? Неужели вчерашний матч был настолько тяжелым? — отец рассмеялся, наконец-то получив шанс подшутить над сыном, который всегда казался ему до скуки идеальным.

— Вполне, — Фан Боцяо медленно сел, принял от Анны завтрак и спросил: — Вчера была сложная операция, почему бы вам не поспать подольше?

— Операция прошла успешно, закончилась еще около трех часов ночи, — улыбнувшись, ответила мать. — Когда мы с отцом вернулись домой, то увидели, что твой одноклассник как раз выходил из прихожей! Почему ты заранее не сказал, что у тебя останется ночевать друг? Мы бы его хоть как-то приютили.

— Вы... встретили его? — рука Фан Боцяо, сжимавшая вилку, замерла.

— Да. Не в обиду будет сказано, но почему у твоих баскетбольных друзей такие пугающие лица? Особенно тот, что был сегодня утром... Ц-ц-ц... — отец покачал головой, вспоминая недавний страх: он чуть не заработал сердечный приступ, подумав, что в дом пробрался какой-то бандит. — М-да, хотя лицо... что-то в нем знакомое, — пробормотал он, потирая подбородок, но никак не мог вспомнить, где видел подобные черты.

— Извините, — внезапно тихо сказал Фан Боцяо.

— За что ты извиняешься? — отец посмотрел на него с недоумением. — Кстати говоря, редкий случай, что ты пригласил друга домой. Почему не попросил его остаться подольше? Неужели он ушел еще до рассвета? Хоть бы на завтрак остался.

Перед лицом отцовских упреков Фан Боцяо беспомощно опустил взгляд.

— У него... были дела.

— Так вот оно что? Тогда ничего не поделаешь, — отец сделал глоток кофе и сменил тему: — Кстати, твоя нога... правда, всё еще никак? Кхм, хотя я бы и хотел, чтобы ты поступил на медицинский, если ты хочешь заниматься баскетболом профессионально... я, в общем-то, не против. Твое желание важнее всего...

— Папа, я уже решил. Через месяц, после финала чемпионата, я уйду из баскетбольной команды. До вступительных экзаменов к мячу больше не прикоснусь. Это решение окончательное.

— А? П-правда? Ты бросаешь баскетбол? — хотя на лице отца читалась радость, он всё же с сомнением добавил: — Сын, обдумай всё хорошенько, кхм... я правда, правда тебя ни к чему не принуждаю...

— Дорогой! — мать не удержалась и нахмурилась: — Боцяо и так уже расстроен, что больше не может играть, зачем ты постоянно заводишь эту тему?

— Я... — отец выглядел обиженным. Он просто боялся, что всё может измениться.

— Всё в порядке. Я больше хочу стать врачом, никто меня не заставлял, и с травмой ноги это не связано. Баскетбол был просто... школьным кружком.

Фан Боцяо отвел взгляд от матери, чьи глаза выражали явное неодобрение, встал и отнес пустую тарелку, чашку и приборы к мойке.

— Я пошел. Приятного аппетита.

— Боцяо, редкий случай, когда у твоей команды выходной, может, составишь отцу компанию на рыбалке?

— Мне нужно заехать в больницу, снять швы, — Фан Боцяо взглянул на часы. — Вернусь до одиннадцати. Папа, можешь подождать меня?

— Конечно, конечно! — отец радостно замахал рукой. — Будь осторожен по дороге!

Когда сын ушел, мать бросила на мужа недовольный взгляд:

— Боцяо изначально собирался после больницы пойти в библиотеку заниматься. А ты сказал пару слов, и он сразу изменил планы, чтобы подстроиться под тебя.

— Э-э... правда? — отец выглядел ошарашенным. — То-то он молчал... Откуда ж я знал!

— У него такой характер, — вздохнула мать. — Непонятно, в кого он такой...

Высокий мужчина в строгом костюме стоял, заложив руки за спину, перед окном во всю стену на третьем этаже. Его прямая спина оставалась неподвижной, вид он имел холодный и неприступный.

За окном простирался огромный и впечатляющий цветник. В конце зимы и начале весны уже распустилось немало цветов.

— Ты всё-таки вспомнил, что пора возвращаться?

Холодный голос, в котором сквозило раздражение, нарушил давящую тишину комнаты. Мужчина обернулся, его острый взгляд впился в того, кто был одет в черный костюм и лениво курил на диване — его младшего и одновременно самого проблемного... брата.

— Я пришел, так что к чему это ворчание? — нетерпеливо бросил Пэй Чэн, даже не взглянув на это ледяное лицо, внушавшее ужас всем остальным.

Благодаря тому, что их отец в среднем возрасте женился на молодой женщине, в семье Пэй было трое сыновей и две дочери, а разница в возрасте между старшим и младшим составляла целых двадцать пять лет. Двое, между которыми была самая большая разница, ладили хуже всех.

— Где ты шлялся вчера вечером? Я не мог тебя найти, — Пэй Иньсы, видя, что тот молчит, хмыкнул: — Опять ночевал у какой-то бабы, да?

— Если ты такой осведомленный, зачем спрашиваешь? — он лениво бросил взгляд на старшего

брата.

— До каких пор ты собираешься валять дурака? Я просил тебя ехать в Штаты, получить степень и помогать в компании, но ты пропустил мои слова мимо ушей. Избил профессора, всё испортил, а потом сбежал обратно на Тайвань в обычную старшую школу. Прошло полгода, которые ты потратил впустую... — Пэй Иньсы невольно сжал виски: человек, у которого были способности получить МВА, так бездарно распоряжался своей жизнью... — Я правда не понимаю, о чем ты думаешь. — Он приподнял бровь. — ...Слышал, ты играешь в школьный баскетбол? Я не ослышался?

— Не твоё дело, — лицо Пэй Чэна помрачнело, он ответил холодно.

— Хм! Пока что я могу закрывать глаза на то, чем ты занимаешься, — Пэй Иньсы медленно прошёлся до дивана и, сев, закурил. — ...Но не смей создавать мне проблем.

— Это ещё почему? — вообще-то, это старик любил доставлять ему неприятности!

— Почему ты избил сына семьи Цзи так, что он оказался в больнице? У нас с ними есть кое-какие деловые связи, — Пэй Иньсы холодно снова посмотрел в окно. — ...Даже если он первым начал, ты мог бы действовать мягче. Богатые сынки не привыкли к тому, что им ломают пять ребер за раз.

— Не говори чепухи, какой он обычный богатый сынок, — Пэй Чэн скривил губы. — Так называемые «кое-какие» связи означают, что их может и не быть, верно?

— С тобой никакого сладу, — Пэй Иньсы покачал головой, затушил сигарету и взглянул на настенные часы. — ...Пора. Поехали.

Он подошел к столу и нажал кнопку вызова.

— Сяо Чэнь, подавай машину. — И... не забудь прихватить букет.

Водитель Сяо Чэнь вел машину с максимальной осторожностью, не смея даже дышать.

Хотя салон этого роскошного лимузина был довольно просторным, как только в него сели двое внушительных господ, он внезапно почувствовал, как воздух стал тяжелым и спертым, а дышать — трудно.

Он украдкой глянул в зеркало заднего вида. Как же давно он не видел этого третьего господина, который всегда внушал ему самый большой страх. Пусть Будда хранит его, чтобы поездка прошла без происшествий...

— Кстати, почему ты не покрасил волосы обратно? Что это за вид такой неподобающий? — вдруг недовольно спросил Пэй Иньсы.

— У них от природы такой цвет.

— Вранье! — нахмурился тот. — ...«Она» подарила тебе такой прекрасный цвет волос, а ты его портишь.

— Что в нем прекрасного? Не вижу, — Пэй Чэн не хотел продолжать разговор и отвернулся к окну.

Машина остановилась на пешеходном переходе на красный свет. За считанные десятки секунд сзади накопилась длинная очередь, движение стало невыносимо плотным.

Чем ближе был полдень, тем больше становился поток машин. Как только светофор переключился на зеленый, Сяо Чэнь нажал на газ, стремясь ускориться, чтобы поскорее добраться до пункта назначения.

— Стой! — внезапно рявкнул Пэй Чэн.

— А? — Сяо Чэнь вздрогнул, в испуге ударил по тормозам и с недоумением посмотрел на хозяина в зеркало заднего вида. Тот смотрел куда-то в окно, словно что-то привлекло его внимание. — Э-э... третий господин, ч-что случилось?

С-сейчас зеленый свет, если они так встанут посреди перехода, это же...

— Би-би-и-и-и!

Разумеется, сзади тут же раздался оглушительный гул клаксонов, кто-то даже высунулся из окна, чтобы обругать их на чем свет стоит. Сяо Чэнь, чувствуя себя ужасно неловко, застыл на водительском сиденье. Несмотря на колоссальное давление, он не решался тронуться с места.

— Что там снаружи? — Пэй Иньсы тоже подал голос, не понимая, на что его младший брат так пристально смотрит на тротуаре. Ему казалось, что там просто толпа людей.

Пэй Чэн молчал, полностью игнорируя окружающий шум. На его бесстрастном лице лишь в светлых глазах, прикованных к чему-то, промелькнуло что-то... сложное и непонятное.

— Да пошел ты! Подумаешь, большая машина! Ты думаешь, эта дорога принадлежит тебе? #&\$@...

Шум сзади становился всё громче, Сяо Чэнь покрывался холодным потом — наконец-то Пэй Чэн обернулся и, как ни в чем не бывало, бросил:

— Можно ехать.

— О... да! — Сяо Чэнь наконец вздохнул с облегчением, вдавил педаль газа и поспешил покинуть место происшествия.

— Эй, — Пэй Иньсы задумчиво разглядывал странное поведение брата. — На что ты смотрел?

— Ни на что.

— Хм... не хочешь говорить? — он отвел взгляд и, будучи человеком понимающим, больше не стал расспрашивать.

Машина, сделав несколько поворотов, въехала в тихий пригород и остановилась перед огромным кладбищем.

— Я сам возьму, — Пэй Иньсы забрал у Сяо Чэня цветы, и они с братом вместе направились внутрь. Это был большой букет белых калл, только что срезанных в их саду.

— К чему цветы? Разве вокруг могилы мало цветов? — сплюнул Пэй Чэн. Превратили тут всё в цветник!

— ...Ты так похож на нее, до безумия похож, — Пэй Иньсы, словно не слыша жалоб брата, положил цветы и, не отрывая взгляда от фотографии на надгробии, пробормотал это про себя.

— Ты хочешь сказать, что я похож на бабу? — Пэй Чэн указал на фото. На нем была изображена невероятно красивая, тонкая фигура с нежной улыбкой, с длинными светлыми волосами до колен и кожей белой, как снег.

— Конечно, я не про лицо или фигуру, — холодные губы редко, но все же слегка дернулись. — Но... любой проницательный человек сразу поймет, что ты ее сын. Даже если покрасишь волосы в черный, это не поможет.

— Ты можешь отстать? — Пэй Чэн хмыкнул, внезапно помрачнел и с раздражением бросил: — Что? Столько времени прошло, а твоя голова до сих пор не прояснилась? Ублюдок!

— ...Что ты хочешь этим сказать? — Пэй Иньсы не мигал.

— Хватит прикидываться дурачком, — глаза Пэй Чэна, до ужаса похожие на глаза брата, опасно сузились. — Прояснилась она или нет — какая разница? — он медленно повернулся к младшему брату, и на его губах появилась странная, насмешливая улыбка, отчего Пэй Чэн пришел в еще большую ярость.

— Отлично... я помогу тебе прочистить мозги — вот этим! — закончив, он внезапно ударил Пэй Иньсы, сбив того с ног.

Черт возьми! Ему давно хотелось разукрасить лицо этому старому хрычу, который до сих пор живет один и совсем не интересуется женщинами!

— Хм... ты хочешь «помочь» мне?

Пэй Иньсы не разозлился, он вытер кровь с лица и медленно поднялся, снова уставившись на фотографию.

— Не трать силы. Ты не сможешь мне помочь, — холодно сказал он.

— Не смей смотреть на нее таким мерзким взглядом, — Пэй Чэн схватил его за воротник. — Она не твоя жена!

— Что, мой взгляд похож на то, как смотрят на свою супругу? — даже когда его душили так, что почти невозможно было дышать, Пэй Иньсы оставался невозмутимым.

— Она была твоей мачехой до самой смерти.

Бросив эту фразу, Пэй Чэн отпустил его и направился прочь с кладбища.

— Н-ну что, всё? — Сяо Чэнь, дожидавшийся снаружи, увидев, что выходит третий господин, поспешил открыть заднюю дверь. — Э... а где старший господин? — почему он один?

— Сдох там внутри.

Игнорируя глупый вид Сяо Чэня с открытым ртом, он залез в машину, а вена на его лбу всё еще пульсировала.

Что за черт? Этот парень... в последнее время он сильно изменился. Он по-прежнему холоден, но уже не скрывает своего безумия.

Раньше он никогда не говорил таких откровенных вещей прямо при нем — даже если оба всё прекрасно понимали!

Черт возьми, что у него там переклинило? Человек мертв уже больше десяти лет, чего он еще хочет!?

— Бах! — Пэй Чэн ударил кулаком по стеклу, заставив Сяо Чэня снаружи содрогнуться.

Как страшно... что же, черт возьми, происходит? У-у-у...

Умоляю, умоляю! Старший господин, вернитесь скорее!

Через неделю после окончания четвертьфинала —

— Э-э-эх... почему даже на зимних каникулах приходится ходить в школу на дополнительные занятия! Неужели жизнь старшеклассника должна быть такой мучительной?

— Эй, да ты еще смеешь жаловаться! Мы каждый день, кроме учебы, тренируемся по несколько часов, выжаты как лимон, а ты — нет!

Ли Юйцин доел бенто, поднял голову и уставился на сидевшего напротив «бывшего» товарища по команде.

Черт возьми! Этот парень по фамилии Бай получил перед турниром травму, с которой нужно было восстанавливаться несколько месяцев, принес команде кучу проблем, а теперь еще и выступает с саркастичными комментариями!

— Ну не надо так, — Лэй Тяньвэй, проглотив еду, поспешил заступиться. — Цзяци на самом деле очень хотел тренироваться с нами, но травма еще не прошла, ничего не поделаешь...

— А-Вэй лучше всех меня понимает, — Бай Цзяци мастерски умыкнул куриную ножку из только что открытого бенто Ли Юйцина и с наслаждением вгрызся в нее, игнорируя убийственный взгляд парня. — Я, конечно, хотел играть в HBL, разве это обсуждается? Последний раз перед окончанием школы! Но врач сказал: если я хочу в будущем профессиональную карьеру, сейчас нужно терпеть и лечить травму, нельзя перенапрягаться, иначе получу необратимое повреждение на всю жизнь, и тогда про баскетбол можно вообще забыть, — Бай Цзяци при этом состроил гримасу и прижал руки к груди: — Не смотрите, что я такой спокойный, на самом деле у меня сердце кровью обливается!

— Ублюдок... с чего бы это я не заметил? — сплюнул Ли Юйцин, которому хотелось заехать по этой наглой физиономии. Этот парень что, думает, он в мыльной опере снимается?

— Капитан, а ты что думаешь? То, что я внезапно решил уйти из команды, наверняка создало тебе кучу проблем? — Бай Цзяци сделал испуганный вид и обратился к Фан Боцяо, который до этого молча ел.

— Твое решение было правильным, — тот слегка взглянул на него. — Поэтому тренер, я и Тяньвэй уважаем твой выбор и не стали давить.

— В конце концов, пришел тот тип по фамилии Пэй, как раз занял твое место, и он гораздо полезнее, чем такой «повернутый на спорте» игрок, как ты, — Ли Юйцин решил спровоцировать Бая.

— Эй! Знаю! — тот, услышав это, не разозлился, а наоборот, оживленно воскликнул: — Это тот

белобрысый, да? У него техника просто отпад, я бы очень хотел сразиться с ним один на один!

Услышав, что Бай Цзяци «тоже» такое говорит, Лэй Тяньвэй тут же занервничал:

— Советую тебе даже не пытаться... у него характер скверный.

— Вот именно, — нахмурился Ли Юйцин. — «Скверный» — это еще мягко сказано. Его личность — полная противоположность его мастерству, особенно такие самоубийцы, как ты, легче всего выводят его из себя.

Хэ Чжэнь — тому живой пример, — тихо добавил он про себя.

— Пэй Чэн сегодня приходил? — внезапно спросил Фан Боцяо.

— Да, — кивнул Ли Юйцин, они как раз учились в одном классе. — Этот король прогулов, который даже на итоговые экзамены не явился, вдруг объявился на дополнительных занятиях в каникулы, весь класс в шоке. Особенно девчонки...

Он не сдержал вздоха: После того, как все увидели выступление Пэй Чэна на национальном чемпионате, многие, хоть и боятся к нему приближаться, теперь смотрят на него совсем иначе. В перерывах между уроками все только и говорят, что об этом парне.

— Что такое? Ревнуешь? — подшутил Бай Цзяци.

— Не говори ерунды, — Ли Юйцин наградил его раздраженным взглядом. — Я уже с ума схожу от допросов этой толпы фанаток. Кто вообще установил правило, что раз мы в одной баскетбольной команде, то обязаны быть близкими друзьями? Я знаю лишь его имя, остальное мне неизвестно!

— Ха-ха... Вот оно как! — Бай Цзяци рассмеялся, совсем не щадя чувств товарища. — Ну и бедолага же ты!

— Кстати об этом, — подал голос Лэй Тяньвэй, улыбаясь. — Девушки из нашего класса, кажется, тоже проявляют к нему немалый интерес. Верно ведь, капитан?

Фан Боцяо некоторое время молчал.

— ...Не знаю.

— Да чего у капитана спрашивать! Он к таким вещам совершенно нечувствителен, — заметил Бай Цзяци. — Скорее всего, наш капитан — эта неприступная «травушка» на горной вершине — уж слишком недосягаем. Вот девчонки и воспряли духом, когда появилась новая цель. Черт

возьми! Почему они все меня не замечают?

— Оставь свои мечты! Нынче девушки любят тех, кто попрохладнее, а не шутов гороховых, — фыркнул Ли Юйцин.

— Это все равно лучше, чем быть здоровенным громилой с грубой рожей!

— Что ты сказал?!

— Эй, вы, успокойтесь, перестаньте ругаться... — поспешил вмешаться Лэй Тяньвэй.

Фан Боцяо, невозмутимый, как скала, убирал свой пустой контейнер из-под обеда. К подобным перепалкам он, судя по всему, давно привык.

— Эм... Фан... тот самый...

Раздался робкий, нерешительный девичий голос. Он обернулся и увидел одноклассницу с покрасневшимся лицом, стоявшую позади него.

— Т-там... снаружи... тебя кто-то ищет, — она застенчиво указала рукой на заднюю дверь.

— Спасибо, — он поднялся и, пройдя мимо девушки, направился к выходу.

— Слушай... неужели капитан для девушек вашего класса — вот такое недостижимое существо?

— Бай Цзяци со свистом покачал головой, наблюдая, как та девушка и еще несколько одноклассниц обнимаются и взвизгивают от возбуждения.

— Да, — горько усмехнулся Лэй Тяньвэй. — Как ты и сказал... неприступная трава на горной вершине, на которую можно только смотреть издалека.

— Скорее уж цветок на вершине горы. Не хочу хвастаться, но лицо у нашего капитана даже красивее, чем у девчонок...

— Тсс... не дай бог он услышит...

За дверью.

— Иди со мной в кабинет первокурсников, — скомандовал Пэй Чэн холодным, властным тоном.

Он прислонился к стене, безразлично покуривая в коридоре и не обращая ни малейшего

внимания на удивленные взгляды проходящих мимо людей. Фан Боцяо молча смотрел на него.

— Не слышишь, что ли?

Наступила гнетущая тишина, которая затянулась надолго, прежде чем Пэй Чэн снова заговорил:

— ...Зачем?

— А как ты думаешь? Зачем еще? — он насмешливо изогнул губы и, повернувшись, впился в него взглядом. — Не забывай про наш договор. Я вступил в баскетбольную команду, а ты принадлежишь мне телом. Наши отношения именно такие... — он холодно усмехнулся. — Ты сам мне об этом напоминал. Или забыл?

— Я не забыл, — быстро ответил Фан Боцяо.

— Отлично, — в глазах Пэй Чэна блеснул холодный огонек. — Тогда пошли.

Фан Боцяо крепко сжал кулаки.

— Подожди немного... я соберу вещи и сразу пойду за тобой.

— Н-не надо... пусти...

Брюки были грубо сорваны и отброшены в сторону. Фан Боцяо висел в воздухе, прижатый к двери; его обнаженные ноги были плотно зажаты вокруг пояса мужчины, лишая всякой возможности двигаться.

Чувствуя, как обжигающая плоть уже готова к вторжению, упираясь в самую его незащищенную уязвимую точку, он испуганно оттолкнул его, не в силах поверить, что тот собирается сделать это здесь.

— Не здесь... д-дверь может открыться, нас увидят...

Но Пэй Чэн, полностью игнорируя его мольбы и попытки сопротивления, одним резким толчком вошел в него, насильно продолжая движение, несмотря на тесноту и сопротивление тела.

— Угх... больно...

Фан Боцяо невольно вцепился в спину мужчины, уткнувшись лицом в его плечо и сдавленно

вскрикнув от боли, напоминавшей разрыв плоти. Классная дверь, к которой он был плотно прижат, от мощных толчков издавала ритмичный скрип, который в тишине этажа первокурсников звучал пугающе громко.

Он знал, что тот все еще злится... очень злится.

Яростный гнев вливался в него через место их тесного соития. Пэй Чэн не целовал его, не ласкал его чувствительные места, которые так хорошо знал. С самого момента, как они вошли, он лишь грубо подавлял его и брал свое... Неужели... всё? Он думал, это продлится дольше...

Ноги Фан Боцяо дрожали, и в тот миг, когда он едва не осел на пол, чья-то рука подхватила его.

— Мне так хочется тебя ударить, — раздался сверху ледяной, пропитанный жаром голос.

Фан Боцяо опустил голову и промолчал.

Пэй Чэн некоторое время сверлил его взглядом, затем подхватил на руки, пересадил на парту и бросил в него одежду.

— Не провоцируй... мою ярость снова и снова.

Фан Боцяо замер, одеваясь.

— Я этого не делал, — произнес он, не поднимая глаз.

— Не делал? — Пэй Чэн с силой поддел его подбородок, холодно глядя прямо в глаза. — Меня бесит один только твой вид, каждое твое действие выводит меня из себя... И ты говоришь, что не провоцируешь?

— Нелепость, — Фан Боцяо отвел взгляд в сторону.

— Смотри на меня! — рявкнул он, сжав подбородок так сильно, что, казалось, кость вот-вот хрустнет. — Хочешь, чтобы я и дальше обращался с тобой так, как сейчас?

— Мне все равно, — Фан Боцяо снова посмотрел на него, его глаза оставались спокойными и безмятежными. — Согласно условиям договора, у меня нет выбора. Делай что хочешь.

— Смотри-ка... — Пэй Чэн усмехнулся и кончиком пальца мягко очертил контур его красивых тонких губ. — Ты снова сказал то, что меня невероятно бесит. Мне так хочется разорвать этот рот или вовсе отрезать тебе язык, чтобы ты больше никогда не смог сказать ни слова, чтобы меня спровоцировать... — прошептал он, и выражение его лица было пугающе нечитаемым.

— Ты какую-то чушь...

Фан Боцяо нахмурился, собираясь смахнуть его руку, но Пэй Чэн внезапно наклонился и без предупреждения накрыл его губы своими, поглощая произнесенные слова.

Он ошарашенно расширил глаза, на мгновение забыв, как реагировать. Он позволил чужому языку легко раздвинуть его зубы и вторгнуться внутрь, чувствуя, как тот, меняя углы, жадно поглощает все, не оставляя ни единого шанса на отступление.

Уникальный аромат сигарет, исходивший от мужчины, словно насильно заполнял все его чувства. Это был долгий, яростный поцелуй — время растянулось так, будто прошел целый век.

Лишь когда Пэй Чэн отстранился и вышел из класса, Фан Боцяо так и не смог прийти в себя. Он сидел на стуле, словно заколдованный, не в силах пошевелиться.

— ...Неужели ты действительно ничего не чувствуешь, когда мы близки? — перед тем как уйти, тот посмотрел ему прямо в глаза и бросил эту фразу, не дрогнув ни единым мускулом.

<http://bllate.org/book/21140/2144085>